

**Владимир
Соколов**

**Снег
в сентябре**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1968

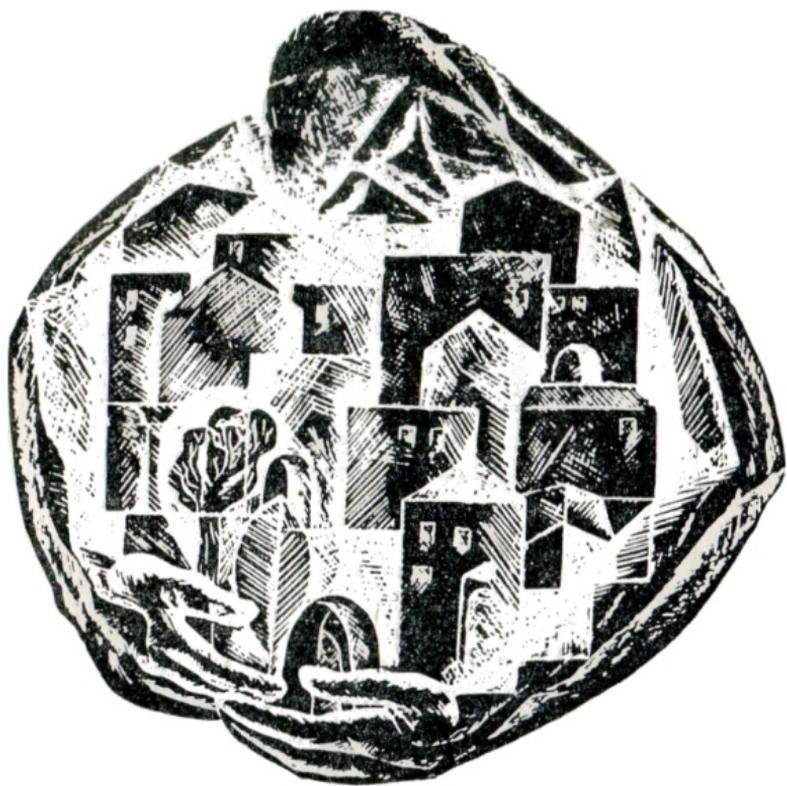
**владимир
СОКОЛОВ**

**Снег
в сентябре**

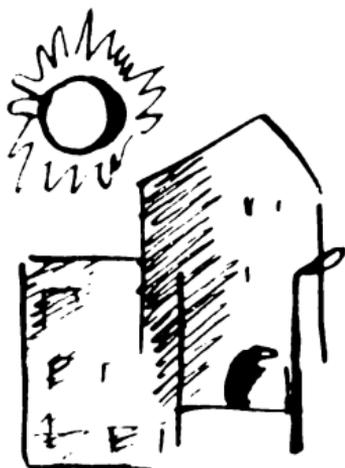
P2
C59

В новую книгу стихов известного поэта Владимира Соколова вошли стихи-раздумья о прожитых годах, о возвышающей силе любви и горечи одиночества. Картины родной природы с ее морозными зимами, с легкой прозрачной дымкой первой зелени придают его стихам мягкое задушевное звучание. Природа помогает поэту глубже раскрыть и ярче выразить чувства лирического героя.

7—4—2
218—67

I

* * *

**Поймай меня на том, на чем нас ловят,—
На пустыке, неосторожном слове.
Прошу, попробуй вымани секрет.
Я всех болтливее и бессловесней.
И запиши.**

**И это будет песней,
Которую ищу я с детских лет.**

1967

* * *

Ученический зимний рассвет.
На окне ледяные подтеки.
Я не знал до шестнадцати лет,
Как бывают пленительны строки.

Из постели на прорубь окна
Я гляжу, не спеша из постели,
У меня есть тетрадка одна,
Для которой нет места в портфеле.

Я портфельчик под мышку возьму.
От зимы воротник побелеет.
Я о том не скажу никому,
Что в тетрадке моей лиловеет.

Вот растет из сугроба метла,
Вот оплывшая наша колонка,
Как задутая свечка, бела
Ото льда, затвердевшего ломко.

Мне отныне спасения нет.
Все, что пройдено, вижу в обломках.

**Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потемках.**

**Я пропал! Но кому объяснишь,
Что она меня вновь отстояла
Этим снегом, свисающим с крыш,
Словно съехавшее одеяло.**

**Спите, улицы. Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.**

**И не смог я дорогу найти.
Но в училище был небывалом...
Я ворочаюсь под одеялом.
Я встаю. Надо в школу идти.**

**У меня есть тетрадка одна.
Там грядущие зреют напасти.
Там каракули, там письмена.**

**Но хоть лаврами путь разукрасьте,
Хоть наметьте любой юбилей,
Я туда убегу без оглядки,
В тот рассвет, что синей и белей
Ученической чистой тетрадки.**

1965

* * *

**Попробуй вытянуться, стать повыше,
Слезами, дождиком стучать по крыше,**

**Руками, ветками, виском, сиренью
Касаться здания с поблекшей тенью.**

**Попробуй вырасти такой большою,
Чтоб эти улицы обнять душою,**

**Чтоб эти площади и эти рынки
От малой вымокли твоей слезинки.**

**Упав локтями на холмы окраин,
Будь над путями, над любым трамваем.**

**Над тополями, что боятся вздоха.
И не касайся их, не делай плохо.**

**Потом подумай о такой причуде:
Все слезы выплавав, вернуться в люди.**

**По горькой сырости, босой душою.
Попробуй вырасти такой большою**

**И в том оплаканном тобою мире
Жить в той же комнате и в той квартире.**

1967

НОВОАРБАТСКАЯ БАЛЛАДА

**Гляжу все чаще я
Средь шума будничного
На уходящее
С чертами будущего.**

**Мне жалко поезда,
Вспять откатившегося,
Дымка и посвиста,
Невоплотившегося.**

**Ташкентской пылью
Вполне реальной
Арбат накрыло
Мемориальный.
Здесь жили-были,
Вершили подвиги,
Швырнули бомбу
Царизму под ноги.
Смыт перекресток
С домами этими
Взрывной волною
Чрез полстолетия.**

Находят кольца.
А было — здание.
Твои оконца
И опоздания.
Но вот! У зданий
Арбата нового,
Вблизи блистаний
Кольца Садового,
Пройдя сквозь сырость
Древесной оголи,
Остановилась
Карета Гоголя.
Он спрыгнул, пряча
Себя в крылатку,
На ту — Собачью —
Прошел площадку.

Кто сел в карету!
Кто автодверцей
В минуту эту
Ударил с сердцем!
Кто, дав спасибо,
А не мерси,
Расстался с нею —
Уже с такси!

Ведь вот, послушай,
Какое дело,
Волной воздушной
И стих задело.
Где зона слома
И зона сноса,
Застряло слово
Полувопроса.
Полумашина,
Полукарета
Умчала отзвук
Полуответа...

Прощай, любимая!
В твоём обличье
Неуловимое
Есть что-то птичье,
Все улетающее,
Все ускользящее,
Одна слеза еще,
В улыбке тающая,
И всё. С обломками
Я за чертою,
С мечтой, с обмолвками,
Со всей тщетою.

**Прощай, летящая,
Прическу путающая.
Все уходящее
Уходит в будущее.**

1967

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

**После первых ночей,
Отшумевших лесами,
После белых подушек
И черных ручьев
У сугробов опять
Синяки под глазами,
Синева под глазами
У всех облаков.**

**Как в гостиницах
Шишкинские канители,
Этих сосен и елей
Развес и наклон,
Так сегодня Саврасов,
«Грачи прилетели»,
Наштампован в апреле
И в жизнь проведен.**

**Он бросает готовое,
Птиц не осилив.
Ветки долго пустуют
Под небом нагим.**

Но приходит на помощь
Художник Васильев
И рисует грачей
Одного за другим.

То слетаются, то
Разлетаются тучей,
Обживая вне рамы
И в раме жилье.
И бросается гвалт,
Этот гомон летучий,
То ль в окно мастерской,
То ль из окон ее.

Белый храм, над которым
Грачиная давка,
То к глазам подплывет,
То, как по ветру, вспять.
Так что надпись на нем
«Керосинная лавка»
То является, то
Исчезает опять.

Тают черные сучья
И синие вены.
Но, творец, а художники?

**Где же они!
Беспорядок, беспамятство.
Благословенны
Эти первые ночи
И первые дни.**

1967

* * *

От двориков московских синяя,
Таинственная глубина!
В изломах крыш, в их смутных линиях
Доверчивость и тишина.

Когда ж дверьми мальчишки хлопают,
Хохочут, торопясь к звонку,
И валенками глухо топают
По наметенному снежку,

Когда с бидонами молочницы
Грохочут от двора к двору
И пересчитывают трешницы,—
Где эта тайна поутру!

Но лишь сгустится сумрак ласковый,
Двор вновь живет, седым-седой,—
Карнизами, ветвями, красками,
Порогами, самим собой...

НОЧНОЙ ЦИКЛОН

Алеко Шенгелиа

Дул ветер в феврале в Тбилиси,
Гремя железом листовым.
Гремели форточки. И листья,
Гремя, неслись по мостовым.
Как будто в тучах звездной пыли
Тот дом несло за горизонт,
Где мы, Алеко, стоя пили
В честь заболевшего Резо.

Но лишь тогда, когда иссякли
Признанья дружбе и стиху,
Все стало так, как в чистой сакле
Там, на божественном верху.
И мне подумалось за смутой,
Что то не ветер, ты неправ,
То плачет демон пресловутый,
Любимый адрес потеряв.

Где он берег его! На листьях!
На ныне взорванной скале!
...Вот ветер был какой в Тбилиси,
Какой был ветер в феврале!..

**Гора крупнела на рассвете,
Но и чрез гору, до конца,
Тот перекатывался ветер,
Как стих бездомного певца.**

1967

РЕЧНОЙ ВОКЗАЛ

Заиндевевшие снасти,
Синь, затаившая дух.
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.

Это ведь было до снега,
Возле воды и весла.
Льстивая тайна побега
Славою нас обошла.

Помню осенние воды,
Сеть расписаний сухих.
Вмерзли твои пароходы
В лед опозданий моих.

На берегу, как в затоне,
Остановились года.
Лишь дуновенье погони
Шло по воде иногда...

Нет ни бесславья, ни славы
В том, что, темнея на цвет,

Чьи-то заставы и травы
Нам уносились вослед.

Здесь задыхались от бега
И не прощались они...
Все это было до снега,
Перебелившего дни.

Заиндевевшие снасти,
Даль, затаившая дух.
Как привалившее счастье,
Эти сугробы и пух.

ЧУЖАЯ КНИГА

После дней обаянья,
После белых ночей
С этой книгой свиданья
Всё нежней и горчей.

Это очень похоже
На ближайший отлет.
Гул винта, как по коже,
По обложке идет.
Средь вокзального быта,
Вся — поющая, вся
На скамейке забыта,
Остающаяся.

Не средь шумного бала,
А под вопли грачей
Ты меня испугала
Страхом юных ночей.
Невозможностью слиться,
Невозможностью взять
И отдать, и открыться,
То есть все рассказать.

**Невозможность я в и т ь с я
И в любом пустяке
Незначай воплотиться,
Как дано пустельге.**

**На скамейке, подмокшей
От весеннего льда,
Голос, не превозмогший
Красоты и стыда.
Это даже не слово,
Что в сердцах говорим...
Дивный слепок с чужого,
Населенный своим.**

* * *

**Мне нравятся поэтессы,
Их пристальные стихи,
Их сложные интересы,
Загадочные грехи.**

**Как бледностью щеки пышут
У всех на иной манер,
И как о мужчинах пишут
По-рыцарски. Не в пример.**

**Их доблесть — не быть обузой
Ни в цехе, ни в мастерстве
И жить, пребывая с музой
В мешающем им родстве.**

**Я рад, что в наш век тревожный,
Где с пылом враждует пыл,
Их дружбою осторожной
Порою отмечен был.**

1966

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Всю даль последующих весен
Представить было не хитро...
Тебе сопутствовала осень,
Когда входили мы в метро.
Когда мы вышли из него,
Шел снег по направленью к Химкам
Или оттуда. И мело.
И липло к туфлям и ботинкам.
И ты сказала у дверей
[В пальто осеннем, в шарфе тоненьком].
Что снег идет у фонарей —
Домиком...

На протяжении зимы
От «Войковской» и до «Плотины»
Летели белые холмы,
Снег обращал дома в руины
И восстанавливал скорей,
Ложась по внешним подоконникам.
И шел опять у фонарей —
Домиком.

Входили в мокром серебре
В автобус
Тающие люди
И разговоры о простуде —
Снег в сентябре! Снег в сентябре
Мел, торжествуя над листвою,
Глуша собой непониманье,
Как Первое Напоминанье.

Мы зиму прожили с тобой
В течение этого маршрута,
Всю от начала до конца.
Мелькали призраки уюта,
Попытки воду пить с лица.
В последних числах сентября
(Мне не забыть, пожалуй, до веку)
Валился лист у фонаря
Подобно карточному домику.

Зима кончалась у стены
Окраинных дубов и сосен.
И не было за ней весны,
А снова — наступала осень.

* * *

Опять с непогашенным светом
Короткие ночи делю...
Не надо. Не думай об этом.
Я больше тебя не люблю.

Я вижу из этого мира,
Где нет ни тебя, ни меня,
Как где-то мертвеет квартира
Беззвучная в топоте дня.

Там пыль оседает на книги
И плавает нежная моль.
Я так не люблю эти миги,
Их теплую, легкую боль.

Я вижу из третьего дома,
Как в том отзвучавшем дому
Так ветрено и незнакомо
Мы сходимся по одному.

Как будто влюбленные тени,
От нас молчаливо уйдя,

* * *

**На крайнем юге, солнечном и синем,
Так много листьев глянцевых, любых.
Октябрь уж наступил. Но не для них.
А мы их все ж так весело покинем.
И улетим на север, на восток,
Где испытанье выдержав на ветхость,
Желтеет каждый болдинский листок,
Как библиографическая редкость.**

1966

* * *

Снега белый карандаш обрисовывает зданья...
Я бы в старый домик ваш прибежал
без опоздания,
Я б пришел тебе помочь по путям трамвайных
линий.
Но опять рисует ночь черным углем белый иней...
У тебя же все они, полудетские печали.
Погоди, повремени, наша жизнь еще в начале.
Пусть уходит мой трамвай! Обращая к ночи
зренье,
Я шепчу беззвучно: «Дай позаимствовать уменье.
Глазом, сердцем весь приник... Помоги мне в миг
бесплодный.
Я последний ученик в мастерской твоей
холодной».

1960

ВЕСНА НА АРБАТЕ

Снег и ржавчина...
Разве так можно!
Рыжей прошвою ваш
особняк

Подчеркнула весна,
Осторожно,
Первой строчкой.
А в доме сквозняк.
Дом снаружи красив и
опрятен.

Но тазам на его чердаке
Все трудней
Географию пятен
Сохранить
На лепном потолке.
Все течет...
Полушарье размыло
У амура над левым
плечом.

В перекройку
Наружного мира
Дом и этим уже
вовлечен.

СМЕНА ДНЕЙ

I

Хочу зимы, здоровья, снега
И одиночества того,
Когда не надо никого,
Когда снаружи, где мело,
Все как бы замерло с разбега,
Остановилось и стоит
И что-то важное таит.

Хочу понять и угадать.
Неуловимое поймать,
Мотив забытый сладко вспомнить,
Как на душе пробел восполнить,
Познать, как раньше, мир земной,
Когда он в дымке неземной.

II

Я так отгадывать любил
Пейзажа детские загадки.
С мальчишек вечно взятки гладки,
А я мальчишкой тоже был.
Когда вразвалку снегопад
Ступал Москвой запорошенной,

Как отгадать бывал я рад,
Что он медведь, полярный, сонный.
А иногда он шел в окошке
Пушистее сибирской кошки.
А иногда...
В пяти шагах
От февраля...
В ночи, в Филях
Иль на Садово-Триумфальной
Он, совершенно театральный,
На ватных припадал ногах.

И, встав под куполом ворот,
Я видел: время настает,
Пустая сцена ждет ответа.
Чей выход! Мой! Ах, той порой
Так снег пленял меня игрой,
Что мне хотелось вспомнить роль
И ощутить узлы сюжета.

И я молился, умирал,
Стрелял, стрелялся и страдал,
Прощал и вел себя жестоко.
Но снег ложился под ногой.
И уходил я на покой,
Махнув под занавес рукой
Домам, беззвучным от восторга.

III

Я понимал, я понимал:
Себя не зря снега роили,
Не зря я с улицей играл
За неменьем героини.
Деревьев, окон и теней
Не зря разгадывал намеки.
Мне и теперь, по смене дней,
Порою слышатся упреки
Густой вечерней синевы,
Простой заснеженной травы,
В сугробе бьющего ручья,
На синем черного грачья,
Звонка трамвайного, гудка
В сыром апреле с ближней ветки,
И стен, увидевших века,
И зданий первой пятилетки.

О, не к зеленому юнцу,
Что тягой к милому крыльцу,
Еще не найденному, занят,
Кто фантазирует, кого
Лишь потому и оттого
В сады и переулки манит,
О, не тому мальчишке, мне
Пришло неожиданное открытье,

Что все предметы наравне
Желают с нами общежитья.
Об этом знаю ныне я,
Об этом знают все поэты.
О мира милые приметы.
О дом мой, улица моя.

IV

Хочу ручьев, хочу апреля,
Когда земля, от солнца прея,
Вгоняет клинышки травы
В зазор меж вымокших булыжин,—
Хочу быть к таинству приближен,
Я потерял его, увы.

Как это было!.. По указу
Тепла и света, как гроза,
Все примелькавшееся глазу
Так и бросается в глаза.
И так событие откровенно,
Что сердце чувствует, успев
Пасть и взлететь, как мир смиренно
И умирает и мгновенно
Рождается, похорошев!

Когда пульсирует весной
На кирпиче стены, как жилка,
Вода под коркой ледяной
И пахнет ржавью жестяной,
Когда наивный снег ночной
Уже причмокивает жидко
На тротуарах и МОГЭС
Плывет, как пятитрубный крейсер,
В туман... Ну, кто из нас не грезил
И не испытывал чудес!..

Я был прогульщиком тогда.
Меня плавучая вода
Несла по улицам, как щепку,
Как отраженье облаков.
Бывало, нахлобучишь кепку,
Накинешь плащ — и был таков!

И словно б не было меня,
И вместе с тем все было мною:
И пульс под коркой ледяною,
И влага стен, и щебетня.

VI

Два семинара в понедельник,
А он забыл о них, бездельник,
Но как я пристально учил
Заветы тающего снега,
Уроки раннего побега,
Что он от ночи получил.
Оставив пыльные тома,
Как я усваивал проулки,
Где, как волшебные шкатулки,
Таятся древние дома...

Что только делает апрель!
Карнизы тают, ветки мокнут.
Как слезы радости, на окна
Навертывается капель.
Как залихватски воробей
Пошел вприсядку по сухому
И тут же в лужу, точно в омут,
Чирикнув лихо: не робей.
Как зыбок день в наплывах сини,
Как жарок воздух у метро,
Как жаворонок в магазине
Косит изюминкой хитро!

О, в эти дни, когда метельщик
Сметал, как мусор, талый снег,
Я жил как злостный неплательщик,
Но как счастливый человек.

VII

Когда б поэт, как туняец,
Жил чувством, взятым в долг у тех,
Что, мужествуя средь нескладиц,
Среди житейских неурядиц.
Живя для дел, а не утех,
Сказать не успевают сами
О счастье или о беде,—
Но сам ни волей, ни слезами
Не переплачивал нигде,
То, как бы в рифме или в слоге
Ни упражнялся дотемна,
Как ни вертелся б он, в итоге
Такой дороге грош цена.

К чему б я это! Не пойму...
А может, собственно, к тому,
Что краски мира я искал
Не для себя, а для кого-то,
Что сам я многое терял,

Когда их молча обретал,
Что если все их не роздал,
То в том одном моя забота;
Что дразнит песнь, а не влечет,
Когда она за чей-то счет.

VIII

Ах, как мне мало было надо!
Сырыми бревнами дохнет,
Бродячим ветром, глубию сада —
О, что за странная отрада
Всю душу вдруг перевернет!
Вот шире дни, а ночи уже.
Уже глядятся липы в лужи.
Их мелкий лист — как первый снег,
Остановившийся в полете...
Ну как, серьезный человек,
Без них, ничтожных, вы живете!

Вам надо большего! Я знаю.
Я сам такой, я понимаю.
Мы служим, времени в обрез.
Нам польза надобна прямая,
А это детский интерес.

Но что же, грудь по-молодецки
Топыря — в собственную честь,
Кричим порою мы, что, дескать,
В пороховницах порох есть.

Что мы, брат, молоды и фору
Любому юноше дадим,
И поминаем к разговору
Весны таинственную пору
И под лукавый лунный дым
Беспечной барышне твердим!

Мы первый утренник забыли.
Ослепли и оглохли мы.
Как будто слоем легкой пыли
Прибило души и умы.
Мы потеряли обаянье,
Мы слух утратили. И в том
Находим даже обаянье,
Как в чем-то искони мужском.

Но выйди в полночь, хоть в субботу,
Как говорят, в короткий день,
Свою высокую работу
Не забывай, но сквозь заботу
Вглядись — грустит у поворота
Березки тоненькая тень.

СТИХИ О ПУШКИНЕ

I

Убит. Убит. Подумать! Пушкин...
Не может быть! Все может быть...
«Ах, Яковлев,— писал Матюшкин,—
Как мог ты это допустить!
Ах, Яковлев, как ты позволил,
Куда глядел ты! Видит бог,
Как мир наш тесный обездолил.
Ах, Яковлев...» А что он мог!

Что мог балтийский ветер ярый,
О юности поющий снег!
Что мог его учитель старый,
Прекраснодушный человек!
Иль некто, видевший воочью
Жену его в ином кругу,
Когда он сам тишайшей ночью
Смял губы: больше не могу...

II

На Черной речке белый снег.
Такой же белый, как в Тригорском.

**Играл на печке — ну и смех —
Котенок няниным наперстком.
Детей укладывают спать.
Отцу готовят на ночь свечи,
Как хорошо на снег ступать
В Михайловском в такой же вечер.
На Черной речке белый снег.
И вот — хоть на иные реки
Давно замыслил он побег —
Шаги отмерены навеки.**

III

**Меж императорским дворцом
И императорской конюшней,
Не в том, с бесхитростным крыльцом
Дому, что многих простодушней,
А в строгом, каменном, большом,
Наемном здании чужом
Лежал он, просветлев лицом,
Еще сильней и непослушней.
Меж императорским дворцом
И императорской конюшней.**

ПЯТИГОРСКИЕ СТИХИ

Не в музейном пыльном кивере,
Не в странице шелестящей,
Я его увидел в кипени,
Слома голову летящей.
Я в бессмертно наплывающем
Романтическом тумане
Ощутил его товарищем
И Сомненью и Тамаре.
Тень героя... От лица ее
Повторяю — вслед за тенью —
Щит и шпагу отрицания
Он держал как утвержденье:
И когда они сумели бы
Свергнуть кодекс вахтпарада,
Птицы райские запели бы
На ветвях родного ада.

Сразу вместе мглой и яркостью
Даль дивила. Я на воды
Уходил, томясь двоякостью
Переменчивой погоды.
Днем дожди по крышам топали.

Ночью стужа шла, стеная.
Утром к каждой ветке тополя
Жалась ветка ледяная.
И, любуясь белой тихостью,
Можно было без зазренья
Счесть ночной минутной прихотью
Настоящие деревья.
И не столь уж удивительным
Было б — шуткой, понарошку —
Льдяный тополь счесть действительным,
Став на скользкую дорожку.
И, учтя все эти данности,
Заскользил я стежкой детства.
И пришел ко мне из давности
Мой герой, поэт и деспот.

...Ранним утром, поздним вечером,
В полдень, в полночь, днем и ночью
Сталью взгляд его отвечивал,
Мною видимый воочью.
Что там бурка! Бурки не было.
Так входил он в куртке жесткой,
Словно сам меня затребовал
К этой скуке пятигорской.
Словно должен отчитаться я
Перед ним, как юный юнкер,

Словно ждет меня нотация.
И тянулся я по струнке.
Над учтивостью поспешливой
Хохотал он, крут и пылок,
Некрасивый и насмешливый,
Сбив фуражку на затылок.
Но как только рот я скашивал,
Улыбнуться тоже силясь,
Он, откидываясь, спрашивал:
«Вы-то что развеселились!»
И действительно я чувствовал,
Мне по правде не до смеха,
Он костяшками похрустывал,
Словно б все ему потеха.
Предо мной в тумане стынущем
Машука двоился конус...
Но потом, потом все иначе —
И слова, и смех, и голос.

И торжественно обрадован —
Все, чем рад, с чего печален,
Я, как на духу, выкладывал,
Хоть не знал исповедален.
И застенчивость несносная
Истончалась, льдинка точно.
И смывалось все наносное,

Оставалась только почва.
О, как трепетно я впитывал
Жест и мановенье ока.
Как он пристально выпытывал,
Как отвечивал жестоко.

О, когда б от взгляда этого
У меня в глазах осталась
Искорка металла светлого,
Бьющая и сквозь усталость.
О, когда б во всей сохранности
Я унес сквозь смену буден
Эту смелость, в высшей крайности
Лучшим свойственную людям!
Я не хвастаюсь по младости,
Я ко лжи не прибегаю.
Но как много тайной радости
Я с тех пор приберегаю!
Говорили мы... И в ропоте
Не качайте головами.
А подробности... Попробуйте
Побеседуйте-ка сами.

Пятигорск. Погода вешняя
Наконец установилась.

**На цветы, сырые, здешние,
Я глядел. Земля дымилась,
Шли с источника нарзанного.
Пел фотограф у Провала.
Лед растаял. Сада льяного
Словно бы и не бывало.**

САЛЬЕРИ

Сальери, мастер в высшей мере,
Лишь одного не разумел,
Что сочинять умел Сальери,
А слушать нищих не умел.

Сальери думал: он не знает.
А Моцарт видел. Моцарт знал,
Какая слабость наполняет
Неукоснительный бокал.
Сквозь лести гордую улыбку —
Не просто зависть и расчет —
Он видел первое: ошибку,
Что спать Сальери не дает.

Он отвернулся. Пусть насыплет.
Да, Моцарт — бог. Бог чашу выпьет.
Избыток жизни!

И вовеки

Убийства люди не простят.
А бред о черном человеке,
А прядь на лбу, беспечный взгляд...

* * *

**Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.**

**Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.**

**Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.**

СЕЛИГЕР

Ты помнишь, как молоды были
Мы той обручальной весной,
Где сосны водою сквозили
Вдоль нашей тропинки лесной!

Крученые ветхие листья
Да ветки желтели обочь.
И дождь еще первый не лился,
И холод прихватывал ночь.

Но вздохи озерного ветра
Ледок обращали в ничто.
Была ты в косыночке светлой
И в кожаном синем пальто.

Была ты мила без оглядки
И тем, что за мною вослед
Так смело на третьем десятке
Достигла шестнадцати лет.

Теперь я нисколько не знаю,
Ты помнишь ли это. Но я
Себе хорошо представляю:
Синь, волны, косынка твоя.

**Двух лип вековая обнимка,
Вчерашнего года трава,
Да робкая вешняя дымка,
В которой висят деревья.**

1963

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.

**Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.**

**Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.**

1966

* * *

Я забыл свою первую строчку,
А была она так хороша,
Что, как взрослый на первую дочку,
Я смотрел на нее не дыша.

Луч по кляксам, как по чечевицам,
Колыхался. И млело в груди.
Я единственным был очевидцем
Посвященья.

Тот миг позади.

Но доньше всей кровью — в рассрочку —
За свое посвященье плачу.
Я забыл свою первую строчку.
А последней я знать не хочу.

1963

МЕТАМОРФОЗЫ

Мир детства. Заборы и лужи.
Ручьев перекрученных пруть.
Я стал понимать его хуже
И лучше о нем говорить.
Но как я хочу разучиться
И в мире заведомом том
Тайком от людей воплотиться
В какой-нибудь старенький дом!
И влажно глядеть в переулок,
Листвой заслонясь, как рукой,
В какой-нибудь там Ащеулов
Иль Подколокольный какой.
И знала б одна только осень,
Что это ведь я под числом,
А вовсе не дом номер восемь.
Стою, обреченный на слом.
А в час, как в иные строенья
Мои уезжали б жильцы,
Я им ни на миг настроенья
Не портил бы: мы не юнцы,
Мы дети отжившего века,

Старинные особняки
Для новых идей человека,
Наверно, не столь высоки.
Я просто, приветствуя силы,
У свежего рва на краю
Пропел бы им, как клавишины,
Прощальную песню свою...
Оранжевых листьев пиковки.
Сентябрь начинает с туза.
Я — старенький дом на Покровке.
Гляжу сквозь больные глаза.
Но — верный испытанным пробам —
Я тут же, почти не скорбя,
Бульдозером широколобым
Бесспорно
иду на себя.

* * *

Мчатся тучи...

**«Натали, Наталья, Ната»...
Что такое, господа!
Это, милые, чревато
Волей божьего суда.**

**Для того ли русский гений
В поле голову сложил,
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе
служил.**

**Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.**

1966

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело
И душу — до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня!

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

1966

* * *

**В те дни
За тридевять земель
Еще гремел порог Падунский,
И ветер, с берега подувший,
На волны скидывал метель.**

**Чернело древнее село,
На воду бешеную глядя,
Карбасы к берегу приладя,
Убрав и вершень, и весло.**

**В те дни при занятости всей
Один геолог, ежась зябко,
Взглянул, придерживая шапку,
На мыс по имени Пурсей.**

**И, став под каменный отвес,
Врубил в скалу как бы навечно:
«Здесь будет выстроена...» Лес
Шумел надменно и беспечно.**

**Он так эпически гудел,
Как будто пел былинный некто,**

**И снисходительно глядел
На малыша из Госпроекта.**

**А тот в большой его тени
Шагал, смеясь лицом открытым,
К товарищу с теодолитом,
На свет полуторки...**

В те дни.

1963

ЛЮБОВЬ

Утешь меня. Скажи мне: все неправда.

И я поверю. Я хочу поверить.

Я

должен

верить

через не могу.

На отдаленном синем берегу

Моей реки, зовущейся Непрядва,

На камушке сидишь ты.

Злая челядь —

На противоположном берегу.

Утешь меня. Скажи мне: все, что было,—

Случайность, наважденье, не закон.

И я влюбленно, а не через силу

Тебе отвечу русским языком.

Утешь меня. Чтоб впредь не попрекали.

Ведь я силен. Еще сильнее — со зла.

...И я погибну на реке Каяле,

Чтоб ты, как Русь, как девочка,

жила.

1963

ЦИКАДЫ

Я думал — рассветные птицы поют,
А это цикад свиристенье.
Внушает им пенье их темный уют,
Дрожащие ночью растенья.

А я пробудился. Как будто в окне
Большая заря наставала.
А было черно. И подумалось мне:
Лишь этого недоставало.

Но так и случилось. В оконный проем
Шумели кусты-невидимки.
И думал я долго о прошлом твоём,
Что в бедной скрывается дымке.

От этого зябко щемило в груди
И будущее закрывалось
Все тем, что угасло давно позади,
Но все ж позади оставалось.

И всю эту влажную южную ночь
С открытыми спал я глазами.

**И было уже мне мириться невмочь
С бездомными их голосами.**

**Но вот они смолкли, зажав в кулачке
Рассветной росинки монету...
И снилось тебе о домашнем сверчке,
Которого все еще нету.**

УКАЗ ПЕТРА

Незаконнорожденных записывать в художники.

Петр I

**Забавна эта мысль Петра,
Но сколь мудра и величава,
Пронзающая до нутра,
Смешная с первого начала.**

**Мне интересен лик его
В тот миг, когда он быстро взвесил
Все «да» и «нет» до одного.
Он был тогда угрюм иль весел!**

**Он, может, так захохотал,
Что терем колоколом грянул,
А может быть, чертеж скатал
В трубу подзорную и глянул!**

**И увидал, как на страду —
По всем колдобинам России,
С холстом и кистью не в ладу,
Идут внебрачноприжитые.**

**И, маясь дивною судьбой,
Находят лад, и знаменито
Всей неприкаянной гурьбой
Грехи отмаливают чьи-то.**

**Пусть в нас иной, несхожий пыл
Великой волею заронен,
Нам надо помнить, как он был,
Художник русский, узаконен.**

1964

* * *

**Время пройдет. Охладеет
Имя мое для тебя.
Буду я спать, не вставая,
Не лепеча, не грубя.**

**Но и забыв о колоде,
Легшей на прах моих мук,
Чье-то заслышав «Володя!»,
Как ты оглянешься вдруг...**

1962

* * *

Ю. Алешковскому

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

* * *

...Я грустно думаю порой,
Что этот вот, и тот, и третий
На людях держатся игрой
Улыбок, поз и междометий.

Я часто думаю о том.
Одним из них обеспокоен:
Ну не со мной — придя в свой дом,
Наедине с собой, какой он!

Вот так же лихо норовит
Он чем-то поразить себя же!
И так же принимает вид
И делает глаза! И даже

Не перед зеркалом, а так,
Актерство все — чего там ради! —
Не отпускает ни на шаг
И держится, как на эстраде!

Я думаю: когда в кольцо
Он попадает к неудачам,

Какое у него лицо,
Иль он его в ладони прячет!

Иль, собираясь к людям, впредь
Он все одну решает думу:
Какое бы лицо надеть,
Чтобы и к месту, и к костюму!

Чтоб тем, каким задумал, слыть,
Чтоб правда в лоб не угодила!
Я сам таким пытался быть,
Да только плохо выходило.

НОЧНЫЕ БАБОЧКИ

Я жил в горах. Легко и гордо.
Но по ночам, как злая новь,
Мне перехватывала горло
Моя старинная любовь.

Она депешею влетала
В мой дом, не трогая дверей,
Ночную бабочкой витала
Над желтой лампочкой моей.

Я уходил. И под ветвями,
Как будто мальчик во хмелю,
Перед садами и плодами
Винился в том, что я — люблю.

Что я — опять! — забыл о деле,
А надо мной, полонены,
Ночные бабочки хотели
Достичь мучительной луны.

Я бормотал свои тирады,
Не поднимая головы,

Но иронически цикады
На них свистели из травы.

Они одни мне отвечали,
Смеясь на тысячи ладов.
А виноградники молчали,
Уже грузнея от плодов.

А на горе желтела точка
И вспять звала меня, к крыльцу,
Где в стекла рамы билась строчка,
Роняя с крылышек пыльцу.

Тогда-то, это все изведав,
Давно, среди этих же долин,
Живой склонялся Грибоедов
Над бедным правнуком своим.

Он ничему не удивлялся.
Он просто веровал и знал.
И белый дух над ним склонялся,
И лик ронял, и горько звал.

Зачем смеяться над любовью!
Мы не годимся в свистуны.

**Мы чистой завистью и кровью
Не суесловью преданы.**

**Я шел домой сквозь шорох ночи.
Там — разобрал свои листы.
И южных звезд смотрели очи
В мое окно. Совсем как ты.**

**И если что-то мне мешало,
Так только то, что за стеной
Пора осенняя шуршала,
Да мышь летучая летала,
В окно влетала. И витала,
Как тень, за бабочкой ночной.**

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

Деревья черные стояли
На желтом дерне и листве.
Их ветки черные торчали
В пустой и голой синеве.

Деревья черные качались,
Как только воздух наплывал.
А птицы белые бросались
Вверх, точно в тянувший провал.

Я утром вышел в этот сад.
Он, весь заросший белым мохом,
Просил, чтоб даже легким
вздохом

Я не нарушил тишь оград
И взлетов серых воробьят.

Ни тропки нет. А я и рад
Тому, что все, как в белой шали,
Там, где лишь день тому назад
Деревья черными стояли.

**Забыв про хлынувшую стужу,
Белеет сад, едва дыша,
Как будто явлена наружу
Деревьев чистая душа.**

1965

* * *

**Время тянется, катится, мчится.
Штемпелюет. И ставит печать...
Надо письма читать научиться,
Научиться на них отвечать.**

**Не пора ли! Затеряна в росах,
В бездорожьях печаль затая,
Я ведь знаю, в каких ты вопросах
Бьешься там, незадача моя.**

**И рука моя сызнава метит
За тетрадью другую тетрадь.
Кто напишет тебе, кто ответит,
Если я перестану писать!**

1966

* * *

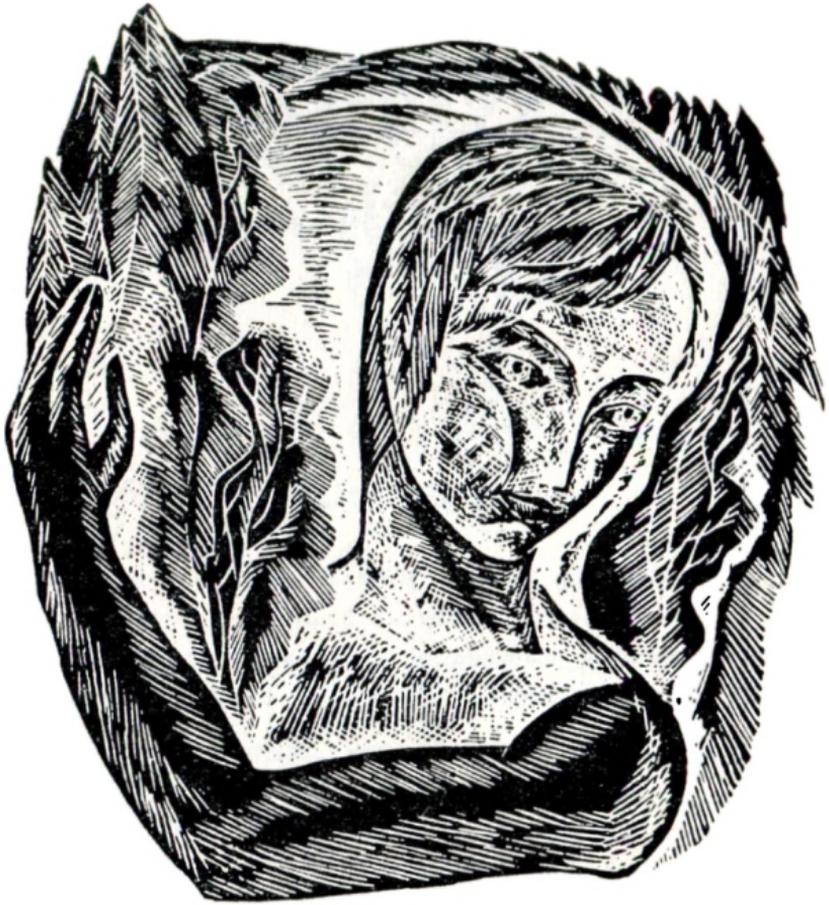
Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить ее светлые воды
И темные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Ее соловьиного гнева,
Ее журавлиной любви.

Но, видно, во мне и железо
Сидит, как осколок в коре,
Коль, детище нежного леса,
Я льну и к Магнитной горе.

Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звездам, как девочке русой,
Которая возле меня.

1963

II

НА СТАНЦИИ

**Густым гудком ночной покой затронут.
Скрипит фонарь, и желтое пятно
Скользит по мокрым камешкам перрона,
Не виданного кем-то так давно.**

**Перрон, перрон, есть и такое счастье:
Опять ступать по шлаку твоему.
Почтовый поезд, черный от ненастья,
С пыхтеньем удаляется во тьму.**

**И тополя, продрогшие порядком,
Шумят под градом капель дождевых**

**И обнажают светлую подкладку,
Отмахиваясь ветками от них.**

**А возле грязь, да в колеях солома,
Да лужа с отражением столба.
И радуясь, что наконец-то дома,
Приезжая стирает пот со лба...**

ВЕШНИЕ ДАЛИ

Леониду Леонову

Низкая впадина, речка высокая,
Ветер, шумящий отпавшей осокою.
Где это было, когда это было!
Лишь бы не думать, что было да сплыло.
Что бы там ни было, как бы там ни было,
Только б не убыло, только бы прибыло.

Черные гнезда в дыму налетающем,
Легком, но, кажется, ветки шатающем,
Чтобы унести их вослед за гудком,
Чтобы не жили своим закутком.
И взбаламученных галок орда
Смотрит на гнезда и на поезда.

Где это было, когда это было!
Даль окликала, мелькала, трубила,
Ветром и веткой будила чуть свет,
Сердце твое изучала на свет.

Там это было. Тогда это было.
Девочка русая парня любила.
Да развела их, развеяла даль.
Разве не весело! Разве не жаль!

Мальчик у стрелки услышал рожок —
И развязался у книг ремешок.
Мальчик, беги за прошествием лет,
За убегающей далью вослед.
Прошелестели, пропели шаги...
Мальчик, от девочки тоже — беги!

Где это было! Да там это было,
Где еще наша земля не остыла,
Где еще ленточка вьется твоя
Возле опушки тропой у жнивья.

Так это было. И так это будет.
Даль разведет, да сведет, не остудит,
Только б не убыло, только бы прибыло,
Как бы там ни было, что бы там ни было.

РОДНЫЕ СТЕНЫ

**Эти окна подернуты инеем,
Эти стекла запаяны льдом.
Только свечкой да собственным именем
Оживил я заброшенный дом.**

**И сижу. Пригорюнилась рядышком
Тень, во тьме потерявшая спесь.
Одиноко жила моя бабушка,
Александра Ивановна, здесь.**

**Все сыновние жизни, дочерние
Озаряла ее доброта.
Час, как областью стала губерния,
Пропустила, была занята.**

**В наших судьбах являясь провидицей,
Малограмотна бабка была.
И нехватку обоев в провинции
Возмещала чем только могла.**

**Клей ведерными лился замесами.
Одевали стену за стеной**

И газеты с большими процессами,
И плакаты любой стороной.
Назубок и парады, и бедствия
Знал по стенам бревенчатым я.
Педагогов пугала впоследствии
Образованность эта моя.
Там, где окна мне кажутся льдинками,
Помню, возле кровати моей,
Две огромных бумаги с картинками,
Льва Толстого большой юбилей.

Помню выезды Анны и Вронского.
Помню Левина, Кити, каток.
И собаку парения броского,
Узколицу, длинную. Дог!

Печь, как бабка, поет в полутемени.
Помогают мне с легкой руки
Сообщения нового времени
И попутные черновики.

О малине, о черной смородине,
О годах, уносящихся прочь...
Помогают и стены на родине,
Отчего же им нам не помочь.

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

**Осеннее золото куполов
Всплывает на синеве
При полном молчанье колоколов
Со звонницей во главе.**

**Не знаю, не знаю! Но этот лист
С прожилками черноты,
Как купол округл, и как купол чист,
И звонок до высоты.**

**Под ясными сумерками стволов
Не холодно ль вам со мной!
Осеннее золото куполов
Восходит над белизной.**

**Качается дерево у стены,
И листья его вершин
Касаются самой голубизны
И падают у машин.**

1965

ПОГОСТ

Деревья черные стояли
На красном зареве зари.
Они погоду предвещали,
Как бы пылая изнутри.

Среди сугробов был один.
Ветра низин на перевале
С него, как с птенчика, сдували
Пух остывающих вершин.

На красном зареве зари
Деревья белые стояли.
И день настал. Сады сияли.
В садах алели снегири.

Как заплутавшаяся старость,
Листва опавшая осталась.
Там, где дышал уже погост
Средь черных трав и красных звезд.

Но час настал. И синь настала.
Все вешним пухом обметало.

Лишь над сугробом молкнет ширь.
Да пташек мелкая цифирь
Там, где объемлет весен гул
Почетных сосен караул.

1965

НАПЕВ

Не повторить хочу — продолжить,
Напомнить, выручить, спасти...
Грибной качающийся дождик
На всем проселочном пути.

Неувядаемое лето.
В цветке промокшая пчела.
А там, за вырубками где-то,
Полей желтеющих дела.

Не повторить хочу — напомнить,
Как беззаветно и легко
Нас может счастьем наполнить
Берез парное молоко.

Как может болью и отрадой
Овеять душу сторона,
Где есть за старенькой оградой
Избушка ветхая одна.

А дальше — новые, другие,
Конечно белые, дома.

**И провода у них тугие
И молодые закрома.**

**Хочу продолжить песнь о певне,
Хвост выгибающем дугой.
О дорогой моей деревне
И о пшенице дорогой!..**

**Грибной качающийся дождик.
Мерцанье падающих глаз.
У мамки выхватив творожник,
Босой задумался художник:
А где же бабочки сейчас!**

* * *

**Художник должен быть закрепощен,
Чтоб ощущал достойную свободу,
Чтоб понимал, когда и что почем
Не суете, а доблести в угоду.**

**Художник должен быть закрепощен,
Как раб труда, достоинства и чести,
Ведь лишь тогда, питомец мира, он,
Как слово точно взятое,— на месте.**

**Художник может быть раскрепощен,
Когда мальчонка ритмы отмеряет
Своей ручонкой — явь его и сон,—
Но он тогда от счастья
Умирает.**

**Художник знает музыку и цвет,
Он никогда не бог и не безбожник,
Он только мастер, сеятель, поэт.
На двух ногах стоит его треножник.**

**Одно замечу, обрывая стих,
Хоть в нем одном и участь и отрада,—
В монархии подобных крепостных
Царей-освободителей
Не надо!**

1963

ОСТАШКОВ

Осташков древний, травянистый,
Устав от сутолоки туч,
Поймал сегодня жарко-чистый,
Слегка колеблющийся луч.
Поймал на радость окнам,
скверам,

Вдруг просиявшим оттого,
И отразил всем Селигером,
Всем водным зеркалом его.
И сразу солнечные пятна
Пошли, блистая, нарасхват.
Молочной зеленью стократно
Раздался Набережный сад.
Волной и дегтем пахла пристань.
Пел катер в млеющей дали.
И увеличивались листья,
И усыхали колени.
...Гнал ветер тройку туч
оставших...

Пройдя сквозь домиков ряды,
Мы с дамбы видели Осташков,
Встававший прямо из воды.

**И на ходу в машину села
Душа, предчувствуя поля,
Где дыбилась в горячке сева
Тревожно влажная земля.**

1963

* * *

Россия средней полосы...
Туман лугов, и запах прелый
Копны, промокшей от росы.
И карий глаз ромашки белой.
И тропка узкая в кусты,
В орешник уведет. А выйдешь,
Такую сразу даль увидишь,
Что встанешь, замирая, ты.
Бескрайняя какая воля!
Блестит изгиб Тверцы-реки.
С размаху вширь простерлось поле,
В нем тонут леса островки.
Сужается, летит, шоссе...
Стоишь. И словно шире плечи.
И крепче дух от этой встречи
С землей во всей ее красе.
А возле, на кусту в росе,
Как часики, стучит кузнечик.

Стояли цитрусы стеной
Стучали в крепкие ладошки,
Но все всплывал передо мной
Непризнанный цветок картошки...

ОКА

Мы так и не доехали тогда...
Какой-то лодки не было под боком.
Запомнилась река
Да лебеда
На берегу довольно невысоком.
Да то село, глядевшее с откоса
Голубоглазо и желтоволосо.
Да ребятня, да лодка на мели.
Да чей-то дед при всех его притворствах:
«Мол, нету лодки. Нет. Не завели...»
Да мы без шапок, трое стихотворцев.
Да как вдали автобус наш гудел,
Что люди ждут, что все же есть предел...

Да мысль о том, что родственные сени,
Когда-то называл Сергей Есенин
Не Константиновом и не Окой,
А просто лесом, полем да рекой.
Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...

Ну что же,
Прав лодочник, седая борода:
«Поэты! Как же, знаю. Был Сережа...»

1964

* * *

Все прозрачно в мире — это свойство
Голубых, больших осенних дней.
Птиц охватывает беспокойство,
Гнезда их становятся видней.

Все открыто пристальному взору:
Дно речное, паутинки нить.
Очень любит осень в эту пору
Отобрать, отсеять, остудить.

И следя за днем, за цепью уток —
В час такой, давно ли слеп и глух,—
Я и сам, как это утро, чуток,
Обращенный в зрение и слух.

Я ловлю, раскидываю сети,
Только вовсе мне не до игры,
Я и сам как будто на примете
У большой и пристальной поры.

Я молчу, тревогою объятый:
Эта осень видит все насквозь.

**Мой сосед стоит у ближней хаты,
У него в руке доска и гвоздь.**

**Тоже смотрит долго, сокровенно
И вздыхает: — Ну, брат, я решил.
Я сегодня валенки надену,
Понимаешь, вовремя подшил.**

**Он смеется: что, придумал строчку!
Или снова юноша влюблен!
Надевает валенки — и точка.
Думает, что жизнью умудрен.**

* * *

**Простое дерево, ты древо.
Ветвь родословья, ты родня.
В необходимости напева
Вы убеждаете меня.**

**И, полный голосом и светом
Еще не сказанного, я,
Как мальчик с маленьким секретом,
Иду, улыбки не тая.**

**Ветрами вольности лелеем,
Неся, как песню, в сердце Век.
Иду по дебрям и аллеям,
Счастливый русский человек.**

1962

СТАРАТЕЛИ

Не забывай.

Он худ, устал и молод.
На твой костер наткнется невзначай.
Прими его. Пусть утоляет голод.
Из котелка прихлебывает чай.
Утешь его. Скажи, что туговато
И сам порой затягивал ремень,
Но только жаль, скажи, что рановато
Он потерял кресало и кремень,
Что сам свой путь прошел ты пядь
за пядью,

И, словно сказку, повтори опять:
«За Черной падью и за Синей падью,
За Белой падью — Золотая падь...»
В его глазах плясать шмелями будут
От твоего огнища огоньки!
Весь опыт свой, что плечи не забудут,
С чем и забвенью сладить не с руки,
Отдай ему.

А посох и огниво
Он сам возьмет, не выждав до утра,
Когда задремлешь ты небоязливо,
Согрев его у своего костра.

1966

Какими красивыми были,
Такими и в землю ушли.
А там, где мы их хоронили,
Там красные маки взошли.

Свершаются сказки и были
В созвездьях боев и побед...

Такими красивыми были
Ребята семнадцати лет.

1966

* * *

Все как будто в ином разрезе.
Снова полка мне дорога.
...Паровоз гуднет на разъезде,
И поймает гудок тайга,
И пойдет им играть, большая,
Одинокая, как мячом,
Звоном даль свою оглашая,
Над лиственником, кедром
И над соснами, передавши
Словно в руки его из рук,
Перекидывать дальше, дальше
Оторвавшийся этот звук.

Эта радость твоя мальчишья
Мне понятна — играй, тайга!
Слишком долгой, тяжелой тишью
Оглушали тебя снега.
Зимних месяцев вой пурговый
Примелькался, как дятлов стук.
Ну, а голос гудка — он новый,
Необычный, занятный звук.

Но уйдет состав и вернется,
Гулким голосом протрубя.
Этот звук его обернется
Не игрушкой для тебя.
Люди высыпят из вагонов;
Люди, ежели много их,
Не боятся ни верст зеленых,
Ни медведей, тайга, твоих.
Голос тракторного мотора
(Сосны падают...) загремит.
Заалеет плакат. Контора
Печкой маленькой задымит.
И палатки пойдут, палатки.
Труд на холоде, смех в тепле.
Достижения. Неполадки,
Убывающие в числе.

Мне, конечно, немного жалко
Каждой веточки вековой,
Будут сосны лежать вповалку,
Оземь стукнувшись головой.
Но, увидев сосновый штабель,
Понапрасну не хмурься ты.
Это ж девочкам — шелк и штапель!
Не жалея для них красоты.

**Поезд движется, чуть вздыхая,
Удивительным сосняком.
Точно детским мячом, большая
Заигралась тайга гудком.**

1959

НА УЛИЦАХ СТАРОГО БРАТСКА

**На улицах черные лодки
Прикованы к серым столбам.
А ветер, гудя в околотке,
Отчаянно бьет по губам.
Он хочет до сердца добраться
И свой передать ему хмель...
На улицах Старого Братска
Едва ль не последний апрель.**

**Я вижу дома и заборы,
Они и темны и стары.
На плотных воротах запоры
Почти позабытой поры.
Но жизнь и за старым забором
Бушует, полна новостей,
Со всем ее полным набором
Великих и малых страстей.**

**А дело-то, видно, не в малом,
Коль в собственном доме народ
Здесь, как на дворе постоялом,
Которое лето живет!**

И почвы глубинная встряска,
Сердца будоража до дна,
На улицах Старого Братска,
Как буря морская, слышна.

Ведь все, что казалось немилым:
Осевшие набок дома,
Сараи,— подернется илом,
Уйдет из души и ума.
И что-то заветное тоже
Уйдет для кого-то на дно,
Но если любимо до дрожи,
Всплывет из забвенья оно.

И вижу я первое утро
Недальнего первого дня.
...Волна над заборчиком утлым
Вскипает, шипя и звеня...
А ветер, волнением полный,
Гудит и гремит верховой,
И светлые тучи, как волны,
Летят над моей головой.

1959

* * *

**В продолжение долгого времени
Ворковала по крышам вода.
В продолжение долгого времени
Зной качался и шли холода.**

**И мелькая под ветром как веточка,
Не однажды в течение дня
Выбегала прозрачная девочка
Из-под солнца взглянуть на меня.**

1964

* * *

Я мальчик. Мне двенадцать лет.
Кораблик мой плывет по луже.
И ничего на свете нет
Синей ее и глубже.

Мне неудобно. Я большой.
А вот играю, как ребенок.
Плыви, плыви, кораблик мой.
Твой белый парус тонок.

Твои просторы глубоки.
Ты уплывешь среди синих гребней
За голубые лопухи,
За горизонт волшебный...

Я взрослый. Мне под тридцать пять.
Я распрямляюсь. И ложится
У ног моих морская гладь,
Где альбатрос кружится.

«Пора домой», — ты шепчешь мне.
А я — как маленький обманщик.

**Там белый парус на волне.
Мне тридцать пять. Я мальчик.**

**Конечно, мы пойдем домой,
Но пенный след... Но мачта в скрепах...
Плыви, плыви, кораблик мой,
Твой белый парус крепок!**

1963

* * *

**Время движется, трудится маятник,
Как рабочий, как молот его...
Заказал бы я сам себе памятник,
Чтобы не мучить потом никого.**

**Время движется, серп его трудится,
Травокосит как надо коса.
Я уверен — мечта моя сбудется,
Будет утро и будет роса.**

**Очевидно, у нашего племени
Молодой всесоюзной крови
Впереди еще множество времени,
Только делай и только живи.**

**Так и делаем. Мается маятник.
Молот бьет, и работает серп.
Заказал бы я сам себе памятник,
Да надеюсь на общий. На герб.**

1963

ПРУДЫ

**Одни, играючи в наивность,
Стоят за кошек иль собак.
А я люблю любую живность,
Вплоть до лягушек и до жаб.**

**Когда в деревне, отсудачив,
Замрет изба в туманный час,
Вздымают хоры лягушачьи
Свои симфонии у нас.**

**Там изумляются солисты
Голосовой своей игре.
Там, между лилий, неречисты,
Воркуют жабушки в икре.**

**А как возьмутся сразу вместе
Во славу тины и прудов,
Петух, затихший на насесте,
И тот соперничать готов.**

**Ему мерещится, что, хмуры,
Забыв и двор и бережок,**

Уже помаргивают куры:
Склоняй, мол, Петя, гребешок.
Но куры спят.

А я не сплю.

Я очень музыку люблю.
А рокот, цокот, гогот, пыл
Летят над вешними садами,
Над ивами и над прудами,
Ликуя до потери сил.
Да что там!

Даже соловей

Вам подтвердит тепло и гневно:
В Тверской губернии моей
Что ни лягушка — то царевна

ПАРОМ

...Грустно было мне
Покидать обветренные стены
Домика на правой стороне.
Полз паром. На нем мерцало сено.
И платки помахивали мне.
Розовые, белые, шумя,
Ссорясь меж собой, крича, как чайки.
То с базара ехали хозяйки.
Мужики их слушали. Дымя.

Грустно было мне,
Что под этой синью беспощадно
Я сидел безбабий, безлошадный,
Необобществленный. В стороне.
Здесь провел я лето.

Эти стены,
Этих жар и ливней перемены,
Этот говор акающий наш,
Этот — в волнах — окающий говор,
Эта дружба выгонов и горок...
Ах, идет, идет паромщик наш.
Выпиваем с ним по чашке чаю.
Отвечаю: «Что ж, ну поскучаю...

Вновь приеду, ежели смогу».
Говорю с неведомым зазнайством:
«Может, сам... обзаведусь хозяйством».
Кланяюсь ромашке, иван-чаю,
Как иду к воде, не замечаю.
Что-то там, на левом берегу!

1966

* * *

Ночевала тучка...

Лермонтов

**Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Бери перо любое наугад.**

**Большие дети неба и земли,
Здесь ночевали, спали журавли.**

**Остался пух. Остались перья те,
Что на земле видны и в темноте.**

**Да этот пруд в заброшенном саду.
Что лишь у птиц и неба на виду.**

**Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад.
Возьму перо любое наугад.**

**И напишу о маленьких синицах
И о больших взметающихся птицах.**

**И напишу, что сад синицу в руки
Взял, с журавлями белыми в разлуке.**

**Листвой сухой, седой расхлопотался.
Красавицей своей залюбовался.**

**Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад,
И пруд, и вся прорешливость оград.**

**Он не шепнет, как кто-то там иль сям,
Что журавли завидуют гусям.**

**Он знает сам, что каплями зари
В нем замелькают скоро снегири,**

**Что в ноябре в нем хрупко и светло,
От перистого инея бело...**

1965

ВЕЛОСИПЕД

Дом в три окна. Отцовское наследство.
Где сто семейных фото в уголке,
Где, как конверт с большим письмом из детства,
Бумажный змей лежит на чердаке.

Там то и дело раздавалось: — Спорим! —
Там не один был марш веселый спет.
А в полутемном узком коридоре
Я вдруг увидел свой велосипед.

Сказала мать: — Приедет брат, чем свет
Опять начнется бешеная гонка.
Куда-то ездит. Думаю, девчонка.—
А я смотрел на свой велосипед.

Он на крюке, еще отцом забитом,
Висел в тени, вдали от света дня.
И чем-то юным вдруг, полузабытым,
Полусмешным, пахнуло на меня.

...Я в ту весну сдавал на твердых тройках.
Стихи забросил. Все отлично шло.

**Я отвечал уверенно и бойко,
А на немецком мне не повезло.**

**А лето было жаркое на диво.
Сгоняло город к озеру оно.
Июнь то раскачает нашу иву,
То воробьем присядет на окно.**

**То шапки одуванчиков пушистых,
Пустив на ветер вдоль по городье,
На книжный лист десант парашютистов
Забросит, чтоб напомнить о себе.**

**И я однажды, плюнув на экзамен,
Под окрик мамин выбежал во двор.
Но, как споткнувшись, у калитки замер
И потерял спокойствие с тех пор.**

**Вернулся в дом, а сердце следом, следом
За ней, за ней. Учебник я листал.
А в мыслях шел. И вот с велосипедом
На улице одной бывать я стал.**

**Так разгонял я свой велосипед,
Чтоб, чуть явлюсь в тени ее квартала,**

Она меня лихого увидала
И поразилась.

Ну, а если нет,
То чтоб на всем разгоне этом скором
В одно сливались щели меж досок
И сквозь волну летящего забора
Ее в саду я вдруг увидеть мог.

И удавалось. Ветки задевая
Пахучих, жарких лип. Глаза кося.
Вдруг ухватить, как средь цветного рая
Она идет, сама цветная вся.

Тот сарафан горел, мелькал в метели
Цветов, кустов, сиреней. В высоту,
Взлетал гамак, с ног тапочки летели,
И платье трепетало на свету.

Она жила, меня не замечая,
В тени читала. Может быть, стихи.
А я носился рядом, кур пугая
И загоня кошек в лопухи.

И вот отец ее, не ради шутки,
Сказал однажды дочери: — Заметь,
В глазах мелькает что-то третьи сутки,
Лишь на ограду стоит поглядеть!

Что там за парень на велосипеде
Как угорелый мечется с утра.
Да вот смотри, опять он мимо едет.
Взгляни, Людмила. Выйди со двора.

Я разговора этого не слышал.
А просто так — представил без труда,
Затем что вдруг она, и верно, вышла,
Не собираясь вроде никуда.

На вид — от дел оторванная важных,
Она стояла, ветку шевеля,
А я летел навстречу ей отважно,
В бока уперши руки, без руля.

Велосипед тропинкой шел послушно,
С пути прямого не сбивался он.
А я смотрел на крыши равнодушно,
В успехе абсолютно убежден.

Но очень резко хлопнула калитка.
И, задержавшись около ствола,
Увидел я: меж клумб шагая прытко,
Она к террасе без оглядки шла.

Отцу сказала что-то. И сиренью
Пошла к скамье, где бились книг листки,
Пожав плечами, и с таким презрением,
Что я за руль схватился от тоски.

...А их забор ломился от сиреней
Крутых, как кипень, бивших через край,
И так манил к себе их дух весенний,
Что лучше, друг, о том не вспоминай.

И по ночам забор мне этот снился,
Своей душил сиренью среди тьмы,
Светился мрак. Я на седло садился.
Она на раму. И летели мы.

Неслись по тропкам, улицам, полянам,
Шуршали шины, что-то нам шепча.
И мне кружило голову дурманом
Тепло от загорелого плеча.

И завитки волос ее так нежно
Моей щеки касались на ходу,
Что просыпался сразу я... Конечно,
То было только сном, мне на беду.

**...С тех пор какой прошел июнь, июль...
Мой старый друг покрыт домашней пылью.
Стою, смотрю на спицы, и на крылья,
И на рогами вывернутый руль.**

**Его мой брат, мальчишка, потревожит.
Как я, вихраст и, видно, больше смел.
Пусть он ему, веселому, поможет,
В чем мне помочь когда-то не сумел.**

КАМЕНЬ

Владения камня.
Бесплодная тяжба гранита
С корнями деревьев.
Завидная близость зенита.

Молчание скал.
Неожиданный грохот потока.
Обвала оскал
И орел.

Он высоко, высоко...

Он точкою черной.
Он не жил ни в прахе, ни в страхе.
Парит отвлеченно,
Задумавшись о черепахе.
И в облаке тает...

А облако тенью свободной
Ложится на камень,
Возвышенный и старомодный.

Над лапами сосен,
Над острыми шапками елей
Он глыбы возносит,
Обдутые сонмом метелей.

Он полон достоинства.
Он еще, видимо, в силе.
Как чуждое воинство,
Сосны его окружили.

Их строй поднимается,
Ветви неся, как пищали.
И вдруг открывается
Древняя область печали:

Обломок вершины,
Развалины выступов горных,
Лежат, как руины
Акрополей, некогда гордых.

Цветами обвиты
Кладбищенские перекрестки —
Надгробные плиты
И мемориальные доски.

Как мы тесаками,
Обвалы и ливни когда-то
На них высекали
Свои поминанья и даты.

**Здесь копыа скрестили
Часы синева и ненастий
Над гибелью стилей,
Над прахом великих династий.**

**Свои поколенья
Обрывов и ветров гудящих.
Свое исчисленье
И дней и времен проходящих.**

* * *

**Зеленая Рила*,
Я видел и скалы, и ели,
И все, что открыла
Ты мне за четыре недели.**

**Каменья, как троны,
На нет под лесами сходили.
Гайдуцкие тропы
Меня высоко возводили.**

* Гора в Болгарии.

И взял я в мечтанье
В часы своего восхожденья —
Прекрасное зданье
Сложить из камней преткновенья.

Навек. Чтобы оное
Зданье как надо служило.
Чтоб вечнозеленое
Древо с камнями дружило.

...Я думал избегнуть,
Я думал забыться и кануть,
Внизу у подножья
Оставить не легкую память.
Но нет человеку
Спасения от человека.

Две тысячи метров
Над уровнем моря и века.

ВОСПОМИНАНИЕ О КРЕСТЕ

Я наконец добился своего.
Меня узнать не могут те и эти
За то, что я, один как перст на свете,
Живу превыше блага одного.

Вначале было так: средь слез и свар,
За то, что к сердцу принял все живое,
Все веры и черты прияв, как дар,
Я из родных был выведен в изгой.
Затем я был последнего лишен.
В моем дому ветра заголосили.
И так я был обидой оглушен,
Что мне колдуньи зелье подносили.
Однако доброй дружбы торжество
Я испытал, когда собрата встретил.
Но я обидел шуткою его,
Желая быть,
как он — в то время — весел.
Он был моим. Но не был я своим,
Как оказалось. Я права превысил.
И мысль пришла: а что, если, как дым,
Метнуться вверх от этих душ и чисел!

Но был я слаб. И руку на себя
Поднять не смел. Она, как плеть, висела.
И мысль пришла: все, чем живу, любя,
Обидеть так, чтоб хоть шурупы в тело
Ввинтили мне всем миром: что там ждать!
А вдруг не станут — как, зачем, откуда!
Пойти в Горсправку! Объявленье дать!
«Мне тридцать три. Я жив. Ищу Иуду».

1961

* * *

Вот и нет меня на свете.
В мире тишина.
Все в свои поймала сети
Белая луна.

Сад поймала, лес поймала,
Поле и жнивье.
Озарила, осияла
Кладбище мое.

А на самом-то на деле
Все в заре, в цвету,
Я себя сквозь все недели
Гордого веду.

Не уйду, ступив со света,
Не оставлю дня,
Но — пока зависеть это
Будет от меня.

1963

* * *

К. Ваншенкину

Легко обремененный снегом,
Зеленый, постоянный бор
Возносит ровень с желтым небом
Свой пухом веющий убор.

На плавных вогнутых сугробах
Мерцают иглы и сучки,
А между елей густобровых
Проталин черные очки.

Иду сквозь эту колоннаду,
Прислушиваясь на ходу
К улегшемуся снегопаду.
Он слушает, как я иду.

Я здесь прямою и не трушу
Того, как даль вступает в близь,
Когда приструнивает душу
Сосна, настроенная ввысь.

**Здесь, где сомнения нелепы,
Милы мне всплески зимних птах
И снега влажные прилепы
На бронзовеющих стволах.**

1963

ЗАСТАВА

Я здесь, усни, моя родная,
Спи. Я с тобой. Я не уйду.
Трава за окнами ночная
Тихонько клонится в саду.

Там на изведанных дорожках
Следы вчерашние пока.
Там на высоких тонких ножках
Белеют звезды табака.

А там, где вишни созревают,
Там отдыхают ветерки,
Что наши лица обвевают
Днем под лучами у реки.

И так как дети спят в постелях,
А все луною залито,
Они играют на качелях,
Пока не видит их никто...

Я здесь. Засни, моя большая,
Спи. Я с тобой. Я не уйду.

Отрадой землю орошая.
Ночь продолжается в саду.

Там достигают небосвода
Березы в венчиках своих.
Там трубы длинные завода
Далеко смотрят из-за них.

Там, спать не в силах, в узорчьях,
Два самых юных соловья
Глядят, как зыблется на рощах
Косынка белая твоя.

Спи, милая. Идя на стражу,
Любуясь миром в забытьи,
Я только мысленно поглажу,
Как нивы, волосы твои.

Пусть так и будет. Люди знают —
Околыш вечно зелен мой.
Проснешься: птицы запевают!
Очнешься: где он!..

Я с тобой.

СОДЕРЖАНИЕ

I

«Поймай меня на том, на чем нас ловят...»	7
«Ученический зимний рассвет...»	8
«Попробуй вытянуться, стать повыше...»	11
Новоарбатская баллада	12
Грачи прилетели	16
«От двориков московских синяя...»	19
Ночной циклон	20
Речной вокзал	22
Чужая книга	24
«Мне нравятся поэтессы...»	26
Снег в сентябре	27
«Опять с непогашенным светом...»	29
«На крайнем юге, солнечном и синем...»	31
«Снега белый карандаш обрисовывает зданья...»	32
Весна на Арбате	33
Смена дней	36
Стихи о Пушкине	45
Пятигорские стихи	47
Сальери	52
«Спасибо, музыка, за то...»	54
Селигер	55
Венок	57
«Я забыл свою первую строчку...»	59
Метаморфозы	60
«Натали, Наталья, Ната...»	62
«Нет сил никаких улыбаться...»	63
«В те дни...»	64

Любовь	66
Цикады	67
Указ Петра	69
Звезда полей	71
«Время пройдет. Охладеет...»	72
«Вдали от всех парнасов...»	73
«...Я грустно думаю порой...»	74
Ночные бабочки	76
Первый иней	79
«Время тянется, катится, мчится...»	81
«Хотел бы я долгие годы...»	82

II

На станции	85
Вешние дали	87
Родные стены	89
Ростов Великий	91
Погост	92
Напев	94
«Художник должен быть закрепощен...»	96
Осташков	98
«Россия средней полосы...»	101
Ока	102
«Все прозрачно в мире — это свойство...»	103
«Простое дерево, ты древо...»	105
Старатели	106
Песня	107
«Все как будто в ином разрезе...»	109
На улицах Старого Братска	112
«В продолжение долгого времени...»	114
«Я мальчик. Мне двенадцать лет...»	115
«Время движется, трудится маятник...»	117

Пруды	118
Паром	120
«Весь в перьях сад, весь в белых перьях сад...»	122
Велосипед	124
Камень	130
Воспоминание о кресте	134
«Вот и нет меня на свете...»	136
«Легко обремененный снегом...»	137
Застава	139

Владимир Николаевич Соколов
СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Редактор В. М. Ермаков
Художник Е. С. Скрынников
Художественный редактор В. В. Щукина
Технический редактор Т. Ф. Клапцова
Корректор Л. М. Логунова

Сдано в набор 15/VI-67 г. Подписано к печати 25/I-68 г.
Формат бум. 60×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 3,4.
Изд. инд. ЛХП-5. А05116. Тираж 25 000 экз. Цена 36 коп.
Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь
Московской области, Школьная, 25. Заказ № 532.

36 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ